

Кобозева И.М.
Москва, Россия

ЛЕКСИКОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
О МЕТАФОРЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В работе обращается внимание на игнорирование в ряде отечественных работ по политическому дискурсу различия между лексикализованной и живой метафорой. Предлагаются критерии для отличия лексикализованной метафоры от живой (отсутствие эффекта реинтерпретации при синонимической замене; частотность кандидата в «метафорические выражения» по корпусу; наличие в элементарной дискурсивной единице других кандидатов в «метафорические выражения» с иной сферой-источником). В данном свете оцениваются исследования по «сочетаемости метафорических моделей».

Ключевые слова: политический дискурс, концептуальная метафора, живая метафора, лексикализация метафоры, реинтерпретация, частотность, элементарная дискурсивная единица.

Сведения об авторе: Кобозева Ирина Михайловна, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра теоретической и прикладной лингвистики.

Контактная информация: г. Москва 119992, Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов МГУ, филологический факультет, к. 953.

Kobozeva I.M.
Moscow, Russia

LEXICO-SEMANTIC NOTES ON METAPHOR
IN POLITICAL DISCOURSE

ГСНТИ 16.21.27, 16.01.07
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper focuses on the distinction between the lexicalized (frozen) and live metaphor that is ignored in some influential studies on Russian political metaphor. Some criteria for distinguishing live metaphors from dead are proposed including lack of reinter-pretation in case of synonymic substitution, frequency of alleged metaphoric expression in linguistic corpora, the presence of rival metaphoric expressions with different source domain in the same elementary discourse unit. In this light studies on the «combinations of metaphoric models» are dismissed as lacking the presupposed object of study.

Key words: political discourse, conceptual metaphor, live metaphor, lexicalization of metaphor, reinter-pretation, frequency, elementary discourse unit.

About the author: Kobozeva Irina Mihalovna, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Moscow State Lomonosov University, Philological Faculty, Department of Theoretical and Applied Linguistics.

В нашей стране яркая политическая метафора все чаще становится материальной силой, способной решать судьбы законов, политиков, партий.

А.П. Чудинов. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры

Когнитивно-лингвистическая теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff 1980] очень скоро стала одним из основных инструментов анализа политического дискурса. Это лишь одно из многочисленных подтверждений того, что П.Б. Паршин образно назвал «романом между когнитивной лингвистикой и анализом медиадискурса» [Паршин 2008: 208], и, добавив, политического медиадискурса в первую очередь. И не будет преувеличением сказать, что в российской лингвистике после появления пионерского словаря политической метафоры А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [1991, 1994], никто не сделал так много для продвижения данного направления исследований, как А.П. Чудинов. Две его монографии о метафоре в политическом дискурсе [Чудинов 2001, 2003] соединяют в себе и глубокую теоретико-методологическую проработку исследуемого феномена, и убедительную демонстрацию рабочих возможностей предлагаемого подхода. Это не только и не столько инвентаризация политической метафоры, сколько моделирование исследуемого объекта во всей сложности его связей и с когнитивными механизмами, и с языковой картиной мира, и со структурой дискурса, и с целями политических субъектов.

Говоря о проблемах инвентаризации и систематизации метафорических моделей, А.П. Чудинов заметил, что «процесс значительно более важен, чем результат» [Чудинов 2001: 171], очевидно, имея в виду, что только реальные попытки многомерной систематизации большого фактического материала дадут тот опыт, который необходим для построения классификаций, адекватных разным задачам исследования политической метафоры. Если рассматривать политическую лингвистику как прикладную науку (см.: [Lakoff 1980]), то в политической метафоре для нее первостепенный интерес представляет то, что отражается в ее «третьем зеркале», по А.П. Чудинову [2001: 55], а именно то, как политический субъект воспринимает, моделирует и пытается воздействовать на политическую реальность. В рамках прикладного когнитивного и одновременно критического (в духе «критической лингвистики») подхода метафоры в политическом дискурсе интересны не только как индикаторы, позволяющие вести мониторинг общественных настроений, но и как инструменты, при помощи которых те или иные социальные группы продвигают в обществе те или иные политические взгляды и проекты в своих интересах. Именно концептуальные метафоры по-

следнего типа имеют шансы стать «материальной силой, способной решать судьбы законов, политиков, партий» [Чудинов 2001: 12]. Ниже следующие соображения относятся к исследованиям именно такой, прикладной, ориентации.

Основная цель прикладного критического лингвистического анализа политического дискурса – выявление на всех уровнях его организации тех языковых средств и способов подачи информации, которые обусловлены политическими взглядами и целями Говорящего Политического Субъекта (далее ГПС). Под ГПС мы понимаем не реального автора политического текста, а ту политическую группировку (организованную, как партия, или неорганизованную, как социальная группа), с позиций которой создавался данный текст. Естественно, что полный лингвистический анализ письменного, а тем более устного политического дискурса требует обращения ко всем более и менее традиционным разделам науки о языке. В сферу ответственности лексической семантики входит широкий круг задач – от установления той концептуальной категории, под которую ГПС подводит ситуацию, послужившую стимулом коммуникативного акта, до объяснения мотивов конкретных лексических выборов, которые сделал ГПС в ходе вербализации коммуникативного замысла. Такое объяснение будет заслуживать доверия только в том случае, если оно будет опираться на глубокое многоаспектное описание семантики слова.

При анализе семантики слова в политическом дискурсе приходится учитывать множество аспектов его содержательной структуры, выделяемых в современной семасиологии. К ним относятся, как минимум:

- **узуальное лексическое значение слова**, отражаемое в его словарном толковании;
- **актуальное значение слова** в данном вербальном контексте, которое при прямом его употреблении является стандартной контекстуальной модификацией (актуализацией) узуального лексического значения, а при переносном – связано с узуальным значением более сложным образом;
- **внутренняя форма слова** (при переносном употреблении совпадает с его прямым номинативным значением);
- **«модальные рамки»** (включая эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова и к адресату);
- **сочетаемостные ограничения** по валентностям слова (сфере действия);
- **коннотации**;
- **лексические значения других слов, ассоциируемых с данным по форме** (значения других ЛСВ того же многозначного слова, его омонимов и паронимов);
- **«фонетическое значение» слова**;
- **экстралингвистическая «проекция» слова** (связанные с ним схемы, фреймы, сценарии и т.п.);

• **социальная «проекция» слова** (его гендерная, классовая, групповая, профессиональная и т.п. маркированность);

• **идеологическая «проекция» слова.**

Все эти аспекты могут быть так или иначе задействованы с целью подачи денотируемой ситуации в устраивающей ГПС интерпретации и создания нужного ему эмоционального фона (тональности).

Непрямые (косвенные) номинации и нарушения семантических сочетаемостных ограничений – это естественные объекты прикладного критического анализа политического дискурса. В соответствии с основными принципами и постулатами лингвистической прагматики, если ГПС предпочел использовать косвенный способ обозначения денотата вместо существующего прямого или нарушил правила семантического согласования, значит, у него был для этого мотив. Если мы хотим выяснить такой мотив, мы должны достаточно внимательно относиться и к тем различиям в сфере тропов, которые были установлены еще в античной риторике, и к тем противопоставлениям, которые признаны в современных теориях метафоры.

Говоря о метафорах в политическом дискурсе, я буду трактовать это понятие в соответствии с когнитивной теорией метафоры достаточно широко, чтобы отвлечься от несущественных поверхностно-языковых различий, но не настолько широко, чтобы стирать важные различия, относящиеся к уровню когнитивных структур и механизмов [см. подр: Кобозева 2001]. В дальнейшем я перейду к вопросу, который больше всего беспокоит меня при чтении многочисленных работ, посвященных политической метафорике – небрежному отношению к различию между лексикализованной (мертвой, застывшей) метафорой и метафорой живой.

Обнаружив в тексте выражение, которое можно рассматривать как кандидат в поверхностные показатели концептуальной метафоры, не стоит поспешно заносить его в базу данных для политического мониторинга, не оценив предварительно его **риторический потенциал**. Данный параметр представляет собой шкалу. На одном полюсе этой шкалы – лексикализованные метафоры, то есть семантические дериваты слов, уже вошедшие в лексико-семантическую систему языка и, как правило, зафиксированные в толковых словарях в качестве производных узуальных значений. Естественно, толковые словари всегда несколько отстают от речевой практики, да и точных критериев для улавливания момента, когда пора фиксировать у слова новый семантический дериват, насколько нам известно, в лексикографии пока не выработано. Так, например, при всей несомненности сферы-источника переносного употребления слова *арена* вряд ли стоит рассматривать это слово в (1) как индикатор живой концептуальной метафоры «Мир политики – это цирк»:

(1) На политической арене появились новые лица.

Как свидетельствует словарь СИ. Ожегова, в современном русском языке у слова *арена* появилось генерализованное узуальное значение 'области деятельности' (ср. его свободную сочетаемость в этом значении с атрибутами *международная, общественная, социальная, политическая, внешнеполитическая, внутриполитическая, парламентская, идеологическая, академическая, журналистская, литературная, экономическая* (сочетания найдены в НКРЯ), указывающими на области деятельности, достаточно разные и по объему, и по сути, и по эмоционально-оценочному отношению к ним в обществе). Разумеется, связь с цирковой сферой-источником сохраняется у этого слова на правах его «внутренней формы», но сила этой связи близка к нулю и восстанавливается только при условии контекстной поддержки со стороны неконвенциональных, живых метафор. Характерно, что у А.П. Чудинова, обладающего тонким семантическим чутьем, в разделе «Театральная метафора», слово *арена* фигурирует как индикатор живой концептуальной метафоры в высказывании (2):

(2) *Сегодня и ежедневно на арене (подчеркнуто А.П. Чудиновым) нашего политического цирка непревзойденная команда клоунов* [Чудинов 2001: 119],

где оно употреблено по ходу развертывания метафоры «Российская политика – это цирк». Ясно, что основным индикатором данной метафоры в (2) является само слово *цирк* (к счастью, еще не получившее узуального переносного значения 'общественная деятельность'). Данную метафору в (2) развивает лексический показатель структурно подчиненной концептуальной метафоры «(Некоторые) политики – клоуны», и акцентируют ее отсылающие к той же сфере-источнику прецедентные феномены – формульные выражения из цирковой афиши: *сегодня и ежедневно, непревзойденная*.

С точки зрения способности повлиять на адресата лексикализованные метафоры ничем не отличаются от «первообразных» слов в их прямом употреблении. И те, и другие способны воздействовать на аудиторию всеми аспектами своей семантики, перечисленными выше. И те, и другие лишены главного свойства живой метафоры – семантической двойственности. Так, (1), несмотря на то, что в нем целых 3 полнозначных слова употреблены не в своих прямых номинативных значениях (*арена, появиться и лицо*) выражает только то, что можно на семантическом метаязыке записать как (3):

(3) 'политической деятельностью начали заниматься новые люди' и не включает в себя даже в качестве фонового смысл (4):

(4) 'это похоже на то, как если бы на арене цирка наблюдателю стали видны новые лица людей'

Запись (4) можно было бы назвать «этимологической семантической транскрипцией» для (1). Но подобная транскрипция и соответствующая ей разметка политического дискурса бесполезны для заявленных выше прикладных целей. Ср. с семантической двойственностью высказывания в (2), экспликацией смысла которого может быть нечто типа (5):

(5) 'наблюдая политическую деятельность (некоторых) российских политиков, можно сказать, что это поведение клоунов в цирке'.

Ясно, что только живая метафора отражает сознательно проведенную ГПС когнитивную операцию концептуализации области-цели в категориях области-источника и только она способна при подходящих условиях оказать соответствующее воздействие на восприятие адресатом денотируемой ситуации. В нашем случае не критически настроенный к восприятию политических текстов адресат получит заряд негативного отношения к людям, занимающимся политикой, которые, как клоуны в цирке, не занимаются серьезным делом, а за плату смешат публику. Очевидно, что внушение такого «пейоративного» отношения к политикам и политике выгодно власти, так как питает апатичность общества, в условиях которой власти гораздо легче достигать своих целей.

Перечислим некоторые признаки, позволяющие определить, является ли выражение, образованное при помощи метафоры (далее МВ), индикатором живой концептуальной метафоры. Эти признаки нужны постольку, поскольку словари не успевают фиксировать факты лексикализации метафор. Да и для опытного лексикографа они могут оказаться небесполезными.

Первый признак отличия лексикализованной метафоры от живой – это **отсутствие семантического эффекта переинтерпретации ситуации при замене данного МВ на синонимичное ему буквальное или метафорическое выражение**. Так, *арена* в (1) не является индикатором живой метафоры, потому что в данном контексте это слово можно заменить на другие МВ – *цена* или *сфера* при полном тождестве денотативного и сигнификативного значения предложения. Различия коснутся только «внутренней формы» ядра локативной группы, что проявится, в частности, в необходимости поменять предлог *с на* на *в* при замене *арены* на *сферу*). В отличие от этого замена *арены* на *цену* в (2), где присутствует живая метафора «Российская политика – это цирк» не только потребует в целях семантического согласования поменять *цирк* на *театр* и *клоунов* на *артистов*, но и приведет к переинтерпретации денотативной ситуации (= изменению сигнификативного значения предложения), которая уже будет концептуализироваться в категориях иной области источника и иметь иной потенциал воздействия на адресата. Хотя, как справедливо пишет А.П. Чудинов, метафоры ЦИРКА и

ТЕАТРА имеют общие «концептуальные векторы притворства, неискренности и внешней моделируемости происходящих событий» [Чудинов 2003: 115], но ТЕАТР – это в русской культуре храм высокого искусства, каким никогда не был ЦИРК, ТЕАТР не только развлекает, но и «сее разумное, доброе, вечное» (ср.: [там же: 115]). Оттого и отношение к артистам более серьезное и уважительное, чем к циркачам. Так что замена *арены* на *сцену* (с необходимыми сопутствующими заменами) переинтерпретирует денотативную ситуацию в рамках иной метафорической модели – «Российская политика – это театр», в которой сфера-источник ТЕАТРА отличается от сферы источника ЦИРКА хотя бы по слоту «Эмоционально-оценочного отношения» в подфрейме «УЧАСТНИКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ».

Дополнительным свидетельством живого характера метафоры, лежащей в основе МВ, для именных МВ является ощущение странности, необычности сочетания данного МВ со своим атрибутом. Это ощущение ныне можно проверить по корпусу. Так, сочетание *политическая арена* кажется вполне привычным по сравнению с сочетанием *политический цирк*, что вполне коррелирует с данными НКРЯ, где первое имеет частоту 112, а второе – всего 2. Это явный знак того, что за МВ *политический цирк* стоит живая концептуальная метафора «Политика – это цирк».

Второй признак, в отличие от первого, не предполагает тестирования МВ при помощи тех или иных трансформаций исходного текста. Он непосредственно наблюдает и состоит в том, что в локальном контексте рассматриваемого МВ, то есть в контексте элементарной предикации (= клаузы = элементарной дискурсивной единицы (ЭДЕ) [Рассказы о сновидениях 2009]), обнаруживается другое МВ с иной сферой-источником, которое семантически не согласованно с первым и при этом не связано с ним сочинительной связью, как в нижеследующих примерах:

(6) ...*Россия, сталкивающаяся – в силу ряда объективных причин – с перспективой утраты позиций на региональных рынках*...

(7) «...медленно и болезненно происходит отслоение партийной *кожи* с государственных механизмов».

В (6) МВ *сталкиваться* имеет сферой-источником силовое взаимодействие движущегося твердого тела с другим твердым телом, оказавшимся на траектории его движения, а МВ *перспектива* восходит к сфере зрительного восприятия открытого пространства. Указанные схемы в принципе совместимы в рамках такой концептуальной схемы, как движение человека по пути в открытом пространстве (ср. возможность, и даже обычность ЭДЕ типа *в перспективе X столкнется с Y-ом*). Но в (6) *перспектива* выступает в роли контрагента и при ее буквальном прочтении ('видимая даль') не со-

гласуется с семантическими требованиями, которые предъявляет предикат *сталкиваться* в его буквальном прочтении к своему актанту с ролью контрагента. В (7) несовместимость *кожи* в ее буквальном понимании в контексте *отслоения*, с ролью части того целого, каким является *механизм* в его буквальном понимании, в комментариях не нуждается.

Мой опыт анализа подобных примеров позволяет сделать следующее индуктивное обобщение: если 2 или более МВ, восходящие к разным сферам-источникам и не связанные сочинительным отношением, встретились в рамках одной ЭДЕ, то только одно из них может быть индикатором живой метафоры. Это обобщение можно назвать «законом единственности живой метафоры в ЭДЕ». Само собой разумеется, что в случаях такого тесного контакта все МВ могут быть лексикализованными метафорами, как это имеет место в (6). Соответствующие переносные значения зафиксированы в словаре СИ. Ожегова. В случаях типа (7) одно из МВ – показатель живой метафоры, и какое именно – вполне очевидно. Если есть сомнения, можно использовать тест на синонимичную замену с проверкой семантического эффекта (см. выше первый признак различия живых и лексикализованных метафор) или удостовериться, что *государственный механизм* встречается в НКРЯ 97 раз, а *партийная кожа* – ни разу.

У данного эмпирическим путем полученного обобщения есть правдоподобное когнитивное основание. Если принять У. Чейфу, что дискурс порождается квантами, каждый из которых «вербализует один «фокус сознания» [Chafe 1994], то есть совокупность информации, которую селективное человеческое сознание может одновременно удерживать в активном состоянии» [Рассказы о сновидениях 2009], то получается, что семантический объем ЭДЕ, являющейся таким квантом, достаточно ограничен. Он включает описание одного события или состояния из концептуального домена А, которое при необходимости или при желании может интерпретироваться в терминах одного, но едва ли более, чем одного концептуального домена Б, отличного от А. Привлечение дополнительных доменов в рамках одного кванта затруднительно как при порождении дискурса, так и при его интерпретации.

Сформулированное выше обобщение вносит существенное уточнение в постановку проблемы «сочетаемости метафорических моделей» [Баранов 2003]. С позиций прикладного анализа политического дискурса того феномена, который в [там же] назван «внутренней сочетаемостью М-моделей» просто не существует, если под М-моделью понимать репрезентацию когнитивного механизма, сознательно применяемого ГПС в дискурсе с целью подать денотат в определенной интерпретации, а не репрезентацию когнитивного механизма, лежащего в основе фактов истории языка или в основе

явлений из области регулярной многозначности. Приводимые в [там же: 85] примеры на внутреннюю сочетаемость М-моделей:

(8) *полнокровный рыночный механизм,*

(9) *жестокие дети марксизма,*

как и следовало ожидать, содержат либо не одной, как в (8), либо только одну, как в (9), живую М-модель (ИДЕОЛОГИЯ ДЛЯ ЕЕ НОСИТЕЛЕЙ – ЭТО ТО ЖЕ, ЧТО РОДИТЕЛИ ДЛЯ ДЕТЕЙ).

«Внешняя денотативно связанная сочетаемость М-моделей», то есть случай, когда разные метафорические модели, примененные к одному и тому же денотату, входят в разные ЭДЕ (принадлежащие одному и тому же или разным ГПС), практически не ограничена. Точнее, она ограничена только экстралингвистически – со стороны онтологической природы самого денотата и прагматической задачи, решаемой автором в данном политическом дискурсе. Вряд ли тут удастся обнаружить интересные правила композиции смыслов.

Остается, как кажется, только «внешняя денотативно несвязанная сочетаемость М-моделей», иллюстрируемая в [Баранов 2003] примером:

(10) *Бакатин ... прямо мишень для «акул пера».*

Сколько в (10) живых метафор? Закавыченные «акулы пера» – газетный штамп, но он, несомненно, сохраняет экспрессивность и активирует в сознании М-модель «НЕКОТОРЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ – ЭТО ОПАСНЫЕ ХИЩНИКИ». МВ *мишень* можно было бы сбросить со счетов как лексикализованную метафору (у слова *мишень* в словаре СИ. Ожегова зафиксировано переносное значение 'тот, кто или то, что является предметом каких-л. действий, нападок'), но относящаяся к нему частица *прямо* не позволяет этого сделать, так как служит свидетельством осознания говорящим семантической двойственности маркируемого этой частицей выражения ('это, конечно, не настоящая мишень, но что-то очень похожее на это'). Значит МВ *мишень* – показатель живой метафоры «НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ – ЭТО МИШЕНИ ДЛЯ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ». Выражение (10) нельзя признать стилистически безупречным, но оно вполне осмысленно, и его смысл можно эксплицировать при помощи (11):

(11) *'Бакатин для журналистов – объект, на котором они совершенствуют свое умение морально уничтожать того, о ком пишут, и это похоже на то, как акулы тренируются в умении нападать на свою жертву'.*

Каждая из двух живых метафор вносит в этот смысл свою лепту, а значит, что они семантически взаимодействуют. Похоже, что в таких случаях более акцентированная (в понимании А.П. Чудинова) М-модель (с индикатором «акулы пера») подчиняет себе менее акцентированную (с индикатором *мишень*). В результате менее акцентированная модель утрачивает привязку к своей сфере-источнику (милитарной

сфере), сохраняя основную идею мишени как объекта, на котором тренируются. В результате композиции М-моделей получается результирующая модель, проецирующая на денотативную ситуацию сценарий «Поведение хищных животных» из сферы-источника акцентированной модели, в который добавлен эпизод, заимствованный из сценария «Поведение людей», прототипически относящегося к другой сфере-источнику.

Чтобы учесть примеры типа (10), сформулированное выше обобщение придется несколько ослабить, допустив, что в рамках одной МДЕ могут сосуществовать две живых метафоры, если одна из них представлена устойчивым выражением (идиомой, клише).

Возвращаясь к вопросу о риторическом потенциале лексикализованной метафоры, повторим, что он близок к нулю. Такая метафора в одиночку не способна запустить в действие механизм концептуальной реконструкции денотата в терминах сферы источника. Все нелексикализованные (они же живые) метафоры способны активировать этот механизм. Однако ясно, что среди последних можно с достаточной легкостью выделить метафоры традиционные (для дискурса всех или некоторых ГПС), намеренно гоняющие сознание адресата по уже неоднократно пройденному им пути между двумя концептосферами, и метафоры креативные, которые торят новые дорожки. Хороший пример креативной метафоры приведен в [Чудинов 2001: 73-74]: «Финансы – это градусник». Когда финансы вместо того, чтобы привычно метафоризовать их как кровь экономики (и тем подчеркнуть их важность), метафоризируют как градусник, то адресата явно подталкивают к тому, чтобы пересмотреть свое отношение к статусу финансов в экономике государства. Если экономика больна (традиционная для современной России политическая метафора), то, возможно, это болезнь крови (финансов) и для излечения больного врачам (политикам) надо что-то делать с его кровью (вмешаться в деятельность финансовой системы). Но если финансы – это градусник, показывающий температуру больного, глупо что-либо менять в данном инструменте: ведь это больному не поможет, а только затруднит процесс лечения. Примерно так и развивается своя метафора Г. Попов: «Если мы собираемся бороться с болезнью, то зачем бороться с градусником и температурой».

Креативные политические метафоры и есть те яркие метафоры, которые «все чаще становятся материальной силой, способной решать судьбы законов, политиков, партий». Хотелось бы, чтобы в анализе политического дискурса, осуществляемом с прикладными целями, таким метафорам уделялось больше внимания, чтобы они не тонули в массе конвенциональных и лексикализованных метафор. Фундаментальные филологические труды А.П. Чудинова по политической метафорике и созданная им шко-

ла дают надежду на существенный прорыв в области прикладного критического анализа политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику – М: УРСС 2001. 358с.

Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73-94.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. – М., 1991.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. – М, 1994. 330с.

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2001. № 6.

Паршин П.Б. Анализ медиадискурса и когнитивная лингвистика: true romance? // Язык средств

массовой информации как объект междисциплинарного исследования: материалы II Международной научной конференции [сост. М.Н. Володина]. – М: МАКС-Пресс, 2008. 515 с. С. 207-209.

Рассказы о сновидениях [под ред. А.А. Кибрика и В.И. Подлесской]. – Языки славянских культур, 2009. 735 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001. 238 с.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003. 248 с.

Chafe W. Discourse, consciousness, and time. – Chicago-University of Chicago Press, 1994.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago, 1980.

© Кобозева И.М., 2010